Текст · 5 июня 2024, 15:24
Уэнделл Стивенсон,

«Облачно, возможны осадки в виде планирующих бомб». Как живет Харьков под угрозой нового российского наступления

В конце весны Россия развернула новое наступление на Харьков. Далеко продвинуться они не смогли, но второй по размеру город Украины стал подвергаться еще более интенсивным и разрушительным обстрелам. В день, когда российские войска перешли границу Харьковской и Белгородской областей, в Харьков приехала корреспондентка *Economist* Уэнделл Стивенсон. Она увидела городские парки в цвету, школы в переходах метро и клуб в подвале старого завода, где харьковчане устраивают рейвы и прячутся от бомб. «Медиазона» публикует перевод ее репортажа.

Мы приехали в Харьков к обеду, в пятницу 10 мая. А утром, как сообщили в новостях, российские войска перешли границу в 30 километрах от города. «Черт, опять война», — подумал театральный режиссер Артем Вусик. Больше полутора лет назад украинское контрнаступление оттеснило от города российские войска. И вот они снова в этой части восточной Украины, а сдерживающим фронт солдатам, кажется, с каждым днем все труднее сохранять твердость.

После того, как ему позвонил с фронта друг и сообщил, что русские выдвинулись, Вусик закончил репетицию пораньше, предложив актерам пойти домой и на всякий случай собрать вещи. Нина Хижная, девушка Вусика, купила билеты на ночной

поезд в Киев. «Может, на пару дней, — пробормотал он задумчиво. — Я уезжать из Харькова не хочу, но она волнуется».

К следующему утру было ясно: русские медленно наступают. «Каждый решает за себя — оставаться или уезжать», — рассказал нам Олег Синегубов, глава областной военной администрации.

Воздушная тревога звучала все выходные, но жизнь в городе выглядела почти нормальной. В субботу на главной площади горстка людей с самодельными плакатами протестовали против того, что власти слишком много тратят на благоустройство парков. «Неприлично выкидывать на это деньги в разгар жестокой войны. Война происходит прямо сейчас, а они цветы сажают и строят статуи! Город должен посылать больше средств нашей армии, иначе уже оккупанты будут по этим паркам гулять или стрелять! — говорит Елена, упорная и решительная исследовательница-биолог. — Я не говорю, что надо наплевать на наши улицы и парки, но они покупают зарубежную экзотику, очень дорогие цветы».

* * *

«Стойко! — говорит с улыбкой Анастасия Параскевова, когда мы спрашиваем, как она переживает все, что несет с собой война. — Но утомилась пиздец». У нее короткие розовые волосы и ряд колечек в ушах. До начала полномасштабного вторжения в 2022 году Параскевова работала в магазине веганских продуктов, теперь она волонтерит для фронта: собирает деньги на военные нужды, отправляет солдатам продовольствие, дроны,

пауэрбанки и лекарства. Харьков под обстрелами так долго, что она уже устала от слова «стойкость»: «Раньше это чувствовалось как что-то крутое, можно было похлопать себя по плечу. Теперь это уже не так хорошо звучит. Люди восхищаются нашим спокойным отношением к смерти и умиранию, тем, что мы такие крутые и храбрые. Но не то чтобы у нас есть выбор».

Отец Параскевовой был убит ракетным ударом вскоре после начала полномасштабной войны. Ее мать выжила, но дом «сгорел дотла». За неделю до нашего разговора было два удара дронами за пару минут ходьбы от ее дома. «Все трясется: двери, окна... — рассказывает Анастасия. — Звук реально пугающий, даже для закаленных, "стойких" ветеранов Харькова».

В моем телефоне взвыло приложение воздушной тревоги. Звук совсем не такой, как тревога в Киеве и других частях страны — более высокой и режущий слух. Никто в кафе не обратил внимания. Параскевова говорит, что большинство харьковчан отключили у себя это приложение: оно срабатывало по пять раз на дню. «Крышей поедешь, если все время это слышать», — говорит Анастасия. Да и сделать в этой ситуации особо ничего нельзя: из-за близости города к России взрывы часто случаются раньше, чем включают сирену. Один владелец кафе рассказал нам, что, если бы они закрывались на время каждой тревоги, то кафе бы просто никогда не открывалось.

Люди в Харькове привыкли к тому, что линия фронта постоянно сдвигается то в одну сторону, то в другую. Россияне попытались захватить город в первые дни войны. Их ракеты долетели до центра, но войска

смогли дойти только до северного отрезка окружной дороги. Оттуда они месяцами лупили артиллерией по окраинам города. Из полутора миллионов жителей в Харькове остались 300 тысяч. Осенью 2022 года украинское контрнаступление выдавило российские войска обратно за границу области. Харьков снова был вне досягаемости артиллерийских снарядов. В течение следующего года многие из тех, кто бежал в Европу или более безопасные города Украины, вернулись.

Когда мы впервые приехали сюда в апреле, половина магазинов на Сумской, главной торговой улице Харькова, стояла заколоченной. Уличный художник разрисовал фанеру на окнах цветастыми птицами. Движения почти не было, но люди ели на воздухе, дети в фирменных кроссовках пили матча-тоники, женщина раздавала рекламные листовки нового секс-шопа, по тротуару ездили машины для уборки улиц, а по лестнице закрытого оперного театра гоняла вверх-вниз компашка скейтеров. Полиция оштрафовала нас за парковку в неположенном месте.

Фото: André Luís Alves for 1843 / The Economist

Население Харькова сейчас составляет примерно две трети от того, что было до вторжения. Знаменитые технические институты и университеты, театры и художественные академии по-прежнему закрыты. Но то и дело с завидным оптимизмом открываются новые книжные магазины и рестораны. Одна из задач,

которые стоят перед муниципалитетом, — чистить улицы от щебня, остающегося после ракетных ударов, заделывать дыры в асфальте и чинить поврежденные светофоры.

Пышно цветущий городской парк в прекрасном состоянии. У недавно открытого памятника детям, погибшим во время войны, распустились лилии. Мы познакомились со смотрительницей Людмилой. Она сажала ноготки под треск разрывов в нескольких сотнях метров от парка. «У меня двое сыновей в армии, так что мне очень важно продолжать работать, но я вижу, что и людям в городе это нужно», — сказала она. Протестующие против цветов, кажется, в меньшинстве. «Люди подходят поблагодарить нас, одна женщина принесла нам шоколадок этим утром...» Ее глаза наполнились слезами. «Это очень важно, — повторила Людмила. — Я даже объяснить не могу толком — почему».

Солдаты в увольнительной прогуливаются под древними дубами и с некоторым изумлением глядят на мирно прыгающих воробьев и целующиеся на скамейках парочки. Мы тоже чувствовали себя слегка потерянными. Тут часто сбоит *GPS* — украинские власти глушат сигнал, чтобы сбить с толку системы наведения российских ракет.

Жизнь удивительным образом продолжается, хотя российские атаки на Харьков участились и к весне стали практически ежедневными. На город летят баллистические ракеты, иранские дроны «Шахед» и жуткие планирующие бомбы — модернизированные устройства советского времени с особой навигационной технологией и оперением,

которые Россия начала использовать недавно. Воздушная оборона Харькова не такая совершенная, как в Киеве, где ракеты почти никогда не пролетают мимо батареи *Patriot*. В марте две электростанции были уничтожены. Электричество стали нормировать — несколько часов включено, несколько выключено, — и улицы наполнились гулом генераторов. Хижная говорит, что жизнь в Харькове напоминает «магический реализм» в перемешку с фантастикой: «Слышишь дроны, слышишь воздушную оборону, тр-тр-тр-тр-тр, чувствуешь себя как в "Звездных Войнах". А наутро покупаешь кофе в красивом, слегка разрушенном кафе, потом идешь на выставку фотографий, затем концерт. А в промежутках слышишь взрывы».

Фото: André Luís Alves for 1843 / The Economist

Сирены в каждом регионе срабатывают по сигналу из централизованной системы предупреждения. Она реагирует на самые разные угрозы — военные самолеты, взлетающие с воздушных баз России, ракеты, запущенные из Крыма или с российских кораблей в Черном море, дроны, артиллерийские удары с линии фронта, — но никогда не поймешь, о какой конкретно опасности предупреждает сигнал тревоги. Для более точной информации можно обратиться к телеграм-каналам: их создают люди, имеющие связи в армии, воздушной обороне, полиции либо в органах разведки. Когда включается сирена, люди начинают скроллить по каналам,

заполненным эмодзи ракет и взрывов, пытаясь выяснить, планирующая ли это бомба (страшно, стоит найти безопасное место), «тактическая авиация» (чуть дальше, менее точная, менее страшная) либо общая тревога, в случае которой можно продолжать заниматься своими делами. «Я за дум-скроллинг увольняю. Невозможно работать, когда голова занята этим», — рассказал нам местный предприниматель.

«Мы уже привыкли к С-300, — говорит Параскевова. — Но я ненавижу эти новые планирующие бомбы, потому что я слышу, как они летят. Они медленные. Звук похож на самолет и длится секунд 20 или 30. Это такой леденящий душу ужас, никогда в жизни ничего страшнее не испытаешь. Сидишь в своем коридоре и слышишь, как оно все ближе и ближе. Седеешь от страха. То же самое с дронами "Шахед". Все их ненавидят за кошмарное жужжание — жужжание смерти... Они все ближе и ближе, жужжание громче и громче, и слышно наших, пытающихся сбить их пулеметами».

Известная керамистка и художница Юлия Пилипчатина живет на 16 этаже многоэтажки со своим парнем и двумя борзыми. Она всегда пишет кому-нибудь смс перед тем, как зайти в лифт: на случай, если резко выключится электричество и она застрянет между этажами без связи. Бомбоубежище слишком далеко, так что во время обстрелов она прячется в ванной. «Собаки смотрят на меня, и если я спокойна, то и они спокойны, — говорит она. — Так что мне нужно быть спокойной. Но это страшно. После каждого взрыва есть этот момент "дня рождения", когда говоришь про себя "слава богу"

и думаешь, может, для чего-то я нужна здесь, раз жива до сих пор».

* * *

В метро безопасно, и городские власти перевезли туда часть школ. Прямо в переходах рядами стоят парты, за ними — мальчики и девочки 9-10 лет. На каменных стенах — детские рисунки рядом с таблицами умножения и картами Украины. В Харькове 55 тысяч детей школьного возраста. В большинстве школ убежищ нет, поэтому дети учатся в основном онлайн. Но 2200 детей ходят в школу под землей (город в первую очередь заботится о младшеклассниках, считается, что на них отсутствие очного обучения может сказаться сильнее).

Фото: André Luís Alves for 1843 / The Economist

Мальчик по имени Ярослав сидел поодаль от остальных. Мы спросили, сколько ему лет. «Десять! У меня сегодня день рождения! — он скромно улыбнулся. «Как тебе школа?» — «Пятьдесят на пятьдесят», — сказал он. И добавил: «Но я люблю Харьков». На перемене класс аплодировал Ярославу, а он, по традиции, раздал всем конфеты. Его учительница, Елена Федорова, одетая в ярко-желтую вышиванку, радостно улыбалась. Она рассказала нам, что дети стали более открытыми по сравнению с началом учебного года. «Некоторые пришли такими ежиками, никого не подпускали к себе. Вот даже

Ярослав — его вообще нельзя было обнять. Он был так замкнут, потому что у него дедушка погиб в начале войны. Он плачет, когда говорит об этом. Но сейчас, сами видите, мы его обнимаем, и он улыбается».

* * *

Весной российские военные начали активно применять здесь тактику «двойных обстрелов», которую раньше отрабатывали и совершенствовали в Сирии. Они бьют в цель, ждут несколько минут до прибытия экстренных служб и стреляют снова. Еще один Ярослав, волонтер-медик двадцати с небольшим лет, часто бывает на местах ракетных ударов. От него веет сжатой в кулак свирепостью. Он не просто сосредоточен, но одержим своим делом — непрекращающимся потоком чрезвычайных обстоятельств. На шее у него набит позывной — число 46, а на костяшках пальцев — 1654, год основания Харькова.

«У каждого из нас хотя бы по разу было сотрясение мозга, — рассказывает Ярослав. — Мы этого не особо боимся. Тошнота, голова болит и кружится, слышишь плохо. Со мной такое было однажды, прошло».

«Ты в порядке?» — спросили мы его. Ярослав с виду даже растерялся от этого вопроса. Полистал телеграм: «Облачно, возможны осадки в виде планирующих бомб». «Я в норме, — сказал он, помолчав. — Работаю».

Ранним утром 4 апреля Ярослав и его команда выехали на место взрыва. Он показал нам видео, снятое *GoPro* на его шлеме. В темноте я разглядела мигающие огни скорой помощи и покачивающиеся

налобные фонарики спасателей. В кадре показались руки, расчищающие битый камень, держащие носилки. Волонтеры знают, что им нельзя оставаться на месте происшествия дольше пяти минут. «Но в ту ночь, — говорит Ярослав, — мы тормозили: один из наших потерял рацию, мы ее искали. Потом услышали "Шахед". Очень неприятный звук, такой гул, все ближе и ближе. Проблема с "Шахедами" такая, что ты его слышишь, но вообще не понимаешь, с какой он стороны. У ракеты или снаряда ты слышишь свист и можешь определить, откуда он доносится. Но "Шахед" летает кругами, и ты не знаешь, в какой момент он остановится и ударит».

Камера дернулась, стало видно машину. Спасатели уезжали. За стеклом появилась оранжевая вспышка и грохнул взрыв. Ярослав выбрался из машины и побежал. Полицейский распластался на земле, рубашка задралась. Было совсем немного крови, тонкая струйка. Руки наложили прозрачную повязку на порез в одном боку, потом дотянулись до второго пореза с другой стороны туловища. Осколок прошел насквозь. «Он два дня назад умер в больнице», — говорит Ярослав.

Я спросила его, что поменялось с начала весны, когда атаки участились. «Все меняется от взрыва к взрыву, — говорит он. — Вот на дорогах есть машины, движение, а вот его нет. Люди то напуганы, то им уже все равно, затем снова напуганы — и снова все равно».

* * *

Тяготы военного времени изнуряют, но есть люди, особенно творческие, для которых они становятся

источником энергии. Константин Зоркин, скульптор, который работает с самыми разными материалами и формами, рассказывает, что никогда в жизни не был так продуктивен: «Когда я слышу взрыв, первая мысль — мне надо закончить проект».

Константин Зоркин. Фото: André Luís Alves for 1843 / The Economist

Несколько площадок, например, Центр Ермилова, галерея, выставляющая украинских художников, оказались удачно расположены: в подвалах. Центр вернулся к выставочной деятельности уже осенью 2022-го.

Нынешнее поколение художников чувствует, что именно они помогут создавать город заново, в том числе потому, что все экономические и культурные связи с Россией, до границы с которой так недалеко, разорваны войной. «Харьков меняется, — говорит Зоркин. — И прежним уже не будет. Что-то открылось нам в городе с начала полномасштабного вторжения, и у нас есть обязанность — говорить об этом. Мы должны понять это ради нас самих и ради города».

Керамистка Юлия Пилипчатина с гордостью показывает свои скульптуры — яркие, округлые, приятные на ощупь, игривые цветы. «Я молода, я роскошна и я в цвету, — говорит она без тени смущения. — Внутри меня цветы, я сама — цветок». До вторжения она делала минималистские тарелки. Вернувшись в Харьков летом 2023 года, начала лепить,

как она их называет, «объекты бессмысленной красоты» и красить их в цвета, которых раньше не было в ее палитре.

«Это цветение провозглашает жизнь, — говорит она, обрабатывая мультяшной яркости хризантему. — Для меня эти вещи противопоставлены войне и смерти. Сейчас я беру в руки глину, вообще не зная, что из нее родится. Я позволяю себе творить без конкретной цели... Возможно, сейчас я поняла: люди прекрасны и невероятны просто потому, что существуют, а не потому, что у них есть какое-то предназначение».

Юлия Пилипчатина. Фото: André Luís Alves for 1843 / The Economist

«Это такое обнаженное чувство момента, секунды даже, — говорит театральный режиссер Вусик. — Все происходит прямо сейчас, прямо здесь, и каждая секунда имеет ценность. Мы понимаем, что каждая репетиция может завтра уже не случиться, что каждое представление может оказаться последним. В этом есть и фатализм, и романтика».

«Все становится абсолютно ясным, — говорит его девушка Нина Хижная, она хореограф. — Как будто стекло протерли. Ты очень четко понимаешь, где должен быть, что делать, что имеет смысл, а что нет. Например, я всегда хотела сделать танцевальный перформанс, но все не было времени. А теперь я подумала: "Ок. Вот я завтра умру, что бы я хотела сделать сегодня? Я бы хотела двигаться!"» Так

появился перформанс «Кто-то похожий на меня», который основан на интервью о войне с украинцами разных поколений.

Антон Назарко — фронтмен группы «Тиск» и владелец сети ателье по чистке обуви. Он вложил все свои деньги в трехэтажный культурный центр в здании заброшенной советской фабрики, которая производила холодильные витрины. Центр называется *Some People* и когда-нибудь в нем разместятся художественные мастерские, галерея, книжный магазин, студия звукозаписи и кинозалы.

Фото: André Luís Alves for 1843 / The Economist

На подвальном этаже — танцпол. Назарко заложил кирпичами окна и сделал огнеупорными двери, так что это помещение может служить и бомбоубежищем. Каждую субботу он устраивает здесь рейв. «Есть такое выражение, что танцпол — это *safe space*. Ну, в нашем случае это так и есть, — говорит Назарко. — Когда звучит сирена, мы орем: "Все на танцпол!"». Голубые глаза Назарко блестят, он говорит очень быстро: «Если мы хотим, чтобы люди вернулись в город, нам нужно это все строить. Если будем ждать, есть опасность, что наступит застой, а потом будет уже поздно».

В субботний полдень 11 мая, на следующий день после того, как россияне перешли границу Харьковской области, Назарко сомневался, придет ли кто-то на

вечерний рейв. Вышибалы стояли у входа, бармены готовили коктейли, диджей приехал из Киева в знак солидарности, а на экранах в такт музыке вспыхивали лазерные лучи. К семи в зале было около 100 человек, совсем немало. «Да чего нам эти новости? — спросил маркетолог Костя, с серебряными полосами на лице и в элегантных ботинках на высоком каблуке. — В любой день можешь умереть. Ну, конечно, надо быть готовым ко всему, но мы и так каждый день готовы». У жителей Харькова и правда всегда под рукой сумки с документами, лекарствами и одеждой: «А новости? Да бог с ними».

На других мероприятиях в городе люди все-таки нервничали. «У нас постоянно плохие новости», — говорит Юлия Николаевская, профессор музыковедения. Мы познакомились на дегустации вина, совмещенной с поэтическими чтениями, которую она организовала в рамках Харьковского музыкального фестиваля. По расписанию фестиваль должен был идти весь май. «Слоган фестиваля "Слушать. Слышать. Чувствовать". Теперь, конечно, так много звуков, вроде сирен, которые мы не хотим слышать. И звуков, которые мы должны слышать — например, чьи-то стоны. Мы стали более чувствительны к звуку, друг к другу и к тому, чтобы слышать других людей», — говорит Николаевская.

На фестивале я увидела Елену Рыбку, шеф-редактора издательства *Vivat*. Примерно за неделю до этого она рассказывала, что литература в военное время процветает, а продажи книг растут. По словам Елены, 10 мая она рано проснулась, сразу прочитала про российское наступление и посмотрела на свою шестилетнюю дочь, которая «спала как ангел». Она

оделась и пошла на работу как обычно. В обед прогулялась по парку с коллегой. «Это было очень странное, глубокое, тяжелое чувство, — говорит она. — Такой ухоженный парк, с такими прекрасными цветами — и абсолютно пустой». На этом она извинилась и отошла: ей пора было представлять поэта. «Подумать только, и на этом мероприятии мы будем говорить о любви!»

* * *

Харьковский культурный расцвет воодушевляет, но два года беспрерывных атак ранят души. Мы познакомились с 15-летней Кристиной в детской художественной студии. В уютном подвальчике на кирпичных стенах — брызги краски и отпечатки рук. У Кристины фарфоровая кожа и иссиня-черные волосы. В носу и нижней губе — серебряные гвоздики, на футболке надпись *Do you feel lucky, punk?*[1]. «-

Здесь я могу расслабиться, — говорит она. — Никто не говорит мне, что рисовать. Я могу выпустить внутреннего зверя на свободу».

Фото: André Luís Alves for 1843 / The Economist

Кристина понимает, что война изменила людей — и ее в том числе. «Ну вот мой пирсинг. В этом есть что-то от селфхарма, как когда люди себя режут. Когда эмоций перебор, когда слишком много всего вокруг происходит, я делаю новый пирсинг. Да, я сама

прокалываю, — она приподняла волосы и показала мочки. — У меня тут туннели по 10 миллиметров».

«Все по-разному реагируют, — говорит Роман, инженер, который конструирует дроны (он попросил не называть его настоящего имени). — Кто-то думскроллит, хочет иметь как можно больше информации. Кому-то нужно обязательно что-то делать. Вот, например, дроны. Первое, что я сделал — задонатил все деньги военным, но это ведь тоже не то чтобы самая здоровая реакция. В каждом война пробуждает какой-то вид эмоционального нездоровья».

Один из вариантов — безразличие к смерти. «Она меня уже почти не тревожит, — говорит Параскевова, волонтерка с розовыми волосами. — У меня одна большая проблема — бессонница, жуткая совершенно бессонница. У меня есть таблетки, но они не особо помогают, я от них просто чувствую себя больной. Я практически вообще не сплю».

Снова и снова мы слышали, как люди обсуждают: уезжать или оставаться. У Антона Назарко двое маленьких детей — шестилетняя дочка и четырехлетний сын. Когда мы спросили его, говорили ли они с женой об отъезде, градус его заразительного энтузиазма сразу пошел вниз. «Это больная тема», — сказал он и посмотрел в сторону. Владелец одного из самых модных ресторанов Харькова не хотел рассказывать, как его су-шефа забрали в армию прямо с улицы: «Он сейчас в тренировочном лагере. Как он сказал, все там будем в итоге».

«Я не боюсь взрывов, — говорит художник Константин Зоркин. — Меня пугает неопределенность. Невозможно увидеть будущее. И есть чувство, что если мы остановимся — мир распадется, по крайней мере на метафизическом уровне». Мы сидим в его подвале, который также служит мастерской, между деревянных скульптур, которые он сделал за время войны. Среди них есть повторяющиеся объекты: книги, люди и деревья, листья и птицы, слепые фасады, горящие здания, черепа.

«И есть усталость, которая накапливается, становится всеобъемлющей. — продолжил он. — Я не знаю, как расслабиться. У меня сложности с радостью — я не могу или не считаю себя вправе ее почувствовать. Но есть радость в совместной работе. — продолжил он. — Здесь ты можешь отпустить себя. И радостно даже если не до конца понимаешь, что мы тут делаем».

Всю следующую неделю в Харькове продолжали выть сирены. Самый длинный за всю войну сигнал звучал 16 часов без перерыва. Город несколько раз атаковали дроны, но исхода не случилось.

Роман написал с линии фронта: «В целом ситуация неясная. Мы работаем. Может, все будет совсем плохо. Может, отобьемся. Потерять Харьков значит проиграть войну».

Автор: Уэнделл Стивенсон, при участии Анастасии Парафенюк

Оригинал: *As the Russians advance towards Kharkiv, Ukrainians head to the dance floor*. *The Economist, May 24, 2024.*

Перевод: П.Ш.

© 2024, The Economist Newspaper Limited. All rights reserved. Published under license. The original content, in English, can be found on www.economist.com

---

1. «Думаешь, тебе повезет, шпана?» Цитата из фильма «Грязный Гарри» (1971) с Клинтом Иствудом в главной роли.